АНТИВОЕННЫЙ ПАФОС РОМАНА КУРТА ВОННЕГУТА «КОЛЫБЕЛЬ ДЛЯ КОШКИ»

Американский писатель Курт Воннегут в интервью корреспонденту журнала «Нейшн» Роберту К. Мьюзилу сказал: «Никто не отважится упоминать вслух об истине, пронизывающей самую основу нашего бытия: людям не хочется жить». Горькие слова. Но говорят они не о разочаровании, «нелюбви» к жизни самого автора (хотя Воннегут настойчиво называет себя пессимистом). Это вызов, протест против безответственной эскалации гонки вооружений. Вызов, потому что далее в этом же интервью писатель говорит: «У меня есть дети, я их очень люблю и хочу, чтобы они не падали духом и любили жизнь»¹.

Каждая строка произведений Воннегута отражает эту любовь к детям планеты Земля, искреннее беспокойство за судьбы мира перед лицом ядерной опасности. Поэтому на любое преступление против человечества, или хотя бы его части, писатель откликается гневными романами-памфлетами. Так, атомный апокалипсис Хиросимы послужил поводом для создания романа «Колыбель для кошки» (1965), основная тема которого — ответственность ученых перед лицом человечества за свои открытия.

«Колыбель для кошки» — не фантастика. Это реалистическое произведение, в котором нет ничего фантастического, кроме льда-девять — сверхгениального изобретения Феликса Хонникера. При всей абсурдности исходных ситуаций и перипетий «Колыбель» — это реальность сегодняшней Америки.

Иона-рассказчик (модернизированный библейский тип) собирает материал об августовском дне 1945 года, когда были сброшены первые атомные бомбы на Японию: «...я начал собирать материал для книги под названием «День, когда наступил конец света...»² Ничего личного в отношении Ионы к атомной бомбардировке нет. А вот отношение автора ко «Дню» весьма определенно проявляется в рассуждении о христианских истинах, о несовместимости заповедей с тем, что происходит в действительности.

Лед-девять — бессмыслица, но только по представлениям общепринятым, человеческим, а не с точки зрения современной физики. Наука «обогатила» человечество ничуть не «худшими» образчиками смертоносного оружия. Мгновенное и всеобъемлющее оледенение представляется не столь уж невозможным в свете высказывания одного современного американского генерала, назвавшего смерть от лейкемии легким и приятным способом переселения в мир иной.

Каждую страницу, главу романа пронизывает ненависть писателя к войне. Вот история о «человеколюбивом» эсэсовце докторе фон Кенигсвальде, бывшем враче лагеря Аушвиц (Освенцим), удалившемся от мира лечить больных туземцев в джунглях Сан-Лоренцо. «Если он будет продолжать такими темпами, то число спасенных им сравняется с числом им же убитых людей примерно к 3010 году» (с. 290).

Монстры населяют мир романа. Вот мистер Кросби, достойнейший американец, антикоммунист, бизнесмен, рвущийся «помогать» слаборазвитым странам... выпуском велосипедов. А чего стоит инстинктивная попытка «истинных патриотов», мистера и мисс Кросби, остановить всемирную катастрофу заклинанием «Мы американцы! Мы американцы!»

Чрезвычайно красноречивый образ «Папы» Монзано наверняка списан с «Папы» Дока, как был прозван в народе гаптянский диктатор Дювалье. Жалкий старик, корчащийся в болях последней стадии ракового заболевания — символ разложения его режима.

Все события на острове — злой и правдивый памфлет на политику США в Латинской Америке, гротескное обобщение современного политического лицедейства, возведенного на уровень поистине «демократичес-

кого» абсурда. Режим Монзано, триумф «демократии», предоставляет жителям острова полную свободу выбора: либо быть повешенными на «ку-рю-ка» (крюке), либо обожать власть.

Эпизоды из жизни Сан-Лоренцо, предшествующие тотальной катастрофе,— едва ли не самые жуткие страницы книги, потому что гипербола абсурда воспринимается здесь естественно, во всех подробностях быта, как документальный отчет. Кого паразит «крюк», если газеты ежедневно приносят сообщения о новых изощренных, варварских пытках? Кого ужаснет «Папа», когда подобные «гориллы» восседают в президентских креслах многих латиноамериканских республик? Нагнетение ощущения неминуемости, ужаса перед грядущей катастрофой, нагнетение гиперболизированного кошмара, воспринимаемого нами как действительность, разлагают эту «действительность» Сан-Лоренцо изнутри: непомерное увеличение достоверных подробностей нереального действия приводит к взрыву, к самоотрицанию, к самоуничтожению безумного мира острова.

Безответственность политического лицедейства на острове — оборотная сторона безответственности людей науки, в траговке Воннегута. Недаром конец света наступает тогда, когда «Папа» Монзано и лед-девять, последнее, что подарил человечеству Феликс Хонникер, соединились и «вступили в реакцию». Именно образ Хонникера определяет центральную мысль повествования.

Профессор Хонникер портретно не похож ни на одного из американских ученых, создавших атомную бомбу. Это обобщенное изображение представителя «науки ради науки», не оплодотворенной человечностью, человеческой моралью. В наше время «чистой» науки не существует. Она — классовое явление. А Хонникер — тип ученого, «тихо и без спешки приглядывающегося, как бы пустить мир к чертовой бабушке» (с. 194). День 6 августа 1945 года, когда сделанная им бомба заживо испепелила тысячи людей, Хонникер проводит на отдыхе в загородном доме, забавляясь детской игрой «в веревочку». «Из всей этой рукописи ему пригодилась только веревочка. В день, когда сбросили бомбу, его заинтриговала веревочка», — вспоминает Ньют, младший сын Хонникера (с. 185). Веревочка из рукописи, присланной несколько лет назад профессору. А рукопись была романом, описывающим конец света, созданный неким изобретателем. Значит, в то время, когда Хонникер разрабатывал идею атомной бомбы, он мог прочесть о последствиях подобной идеи!

Профессор называет себя восьмилетним мальчишкой, впрочем, он и есть такой: взрослый организм, наделенный гениальным умом в области точных наук, но с совестью и сознанием невинного дитяти, не видящего разницы между добром и злом. Игра в «веревочку» (в «колыбель для кошки») превращается в символ роковой безответственности, который снова возникает на страницах книги, как только речь заходит о Хонникере, о его детях, унаследовавших от отца странную отрешенность от жизни. Дети Хонникера — уроды. И не только внешне: каждый из них носит при себе по маленькому термосу со льдом-девять. У них, как и у отца, принципиальное нежелание осмысливать значение собственных действий, врожденное стремление «получать все жизненные удобства, снимая с себя личную ответственность» (с. 216). Точную характеристику дает им сумасшедший негр Ноулз: «Ребята — бешеные щенята!» (с. 214). Впрочем, автор сообщает нам еще кое-что: «Многие в Илиуме считали, что отцом всех трех детей Хонникера был доктор Брид» (с. 194) — «тишайший доктор Брид», руководитель группы разработки ядерного оружия... Приложивший руку к уничтожению сотен тысяч людей, этот «тишайший» старичок убежденно осуждает убийцу XVII века: «Только подумать. У него на совести целых двадцать шесть человек!» (с. 195).

Вот так Воннегута обобщает, объединяет в одно целое безответственность «инфантильную» — Хонникера, безответственность лицемерную — доктора Брида и безответственность их порождения — детей Хонникера. По Воннегута — это порождение века, порождение американской действительности. Используя разнообразные приемы гротеска, писатель дает по-

нять читателю, что мировая катастрофа — логичный исход развития общества, конечная возможность НТР, когда ее двигателем становится сциентизм, т. е. абсолютизация социальной роли научного знания.

Рассказчик попадает в институт, где свои разработки Хонникер, накануне Рождества. В приемной секретарша доктора Брида подвешивает к люстре бумажную гирлянду с надписью «Мир на земле», а Иона предстоит выслушать от доктора Брида историю льда-девять. «Новые знания — самое ценное на свете. Чем больше истин мы открываем, тем богаче мы становимся» (с. 203), — провозглашает Брид перед началом рассказа про лед-девять, который все живое превращает... в лед. Например, золото, которое встретится на пути армии. Для Брида это чудовищное изобретение — некая абстрактная субстанция. Иона же за этой абстракцией видит живую реальность и, охваченный ужасом, говорит: «А я все думаю про то болото»... (с. 208) Доктор Брид уверяет его, что льда-девять не существует. Ему непонятен ужас Ионы.

Однако уже первые слова следующей главы опровергают заверения доктора: «По крайней мере, в одном доктор Брид ошибался: лед-девять существовал» (с. 208). Недаром «сумасшедший» Ноулз сказал, когда умер Хонникер: «Доктор Хонникер не умер. Он перешел в другое измерение» (с. 214). Действительно, это так. Он перешел и остался жить в лицевом, безответственном мире американской науки, остался жить в своих детях, каждый из которых в маленьком термосе несет смерть — кусочки льда-девять.

Но и последователи Хонникера переходят в другое измерение. Логично (по логике абсурда) приходит в этот мир катастрофа: лед-девять, выпущенный на волю, замораживает его.

Мир Сан-Лоренцо после катастрофы — как страшный, бесконечно дряхлый, леденящий душу сон. Расчеты, надежды людей, чудом уцелевших на глыбах льда-девять, призрачны. И даже тут молчит их сознание, молчит разум. «Всем нам чего-то жаль, мамуля», — говорит Иона мисс Кросби. «Да, что теперь горевать над пролитым молоком!» (с. 314) — домашней поговоркой отвечает «мамуля». Людская глупость остается живой в страшнейших катаклизмах. «Мы так ко всему приспособились, так приладились, что никто не удивился, не возразил, когда Хэзел (мисс Кросби) сказала: «Хорошо, хоть комаров нету» (с. 344). Она занята сшиванием полос красной, белой и синей материи для американского флага. Страшна ирония автора: изготовление флага, когда на Земле осталось несколько человек?! Смешно, жалко и трагично этот мирок выживших: мисс Кросби уютно мурлыкает в такт передатчику, сконструированному Фрэнком и безотрывно передающему «SOS», а сам Фрэнк занимается «научными исследованиями» — муравьиным питомником...

Иона-рассказчик, выступающий в романе как пассивный наблюдатель происходящего, постоянно обращается за подтверждением своих мыслей, за советами к одному источнику, так называемым Книгам Боконона. Это — недвусмысленная пародия на Ветхий и Новый Завет. Бокононизм — единственная религия, достойная абсурдного мира, изображенного К. Виннегутом. «И я вспомнил Четырнадцатый том сочинений Боконона — прошлой ночью я прочел его весь, целиком, — размышляет автор романа. — Четырнадцатый том озаглавлен так: «Может ли разумный человек, учитывая опыт прошедших веков, питать хоть малейшую надежду на светлое будущее человечества?» Прочсть Четырнадцатый том недолго. Он состоит всего из одного слова и точки: «Нет.» (с. 325). За этим гротескным приемом скрывается авторский ответ, хоть и не весьма однозначный: все беды человечества проистекают от нежелания людей воспользоваться данным им от природы разумом, взглянуть в лицо правде и принять на себя ответственность за все происходящее в мире.

В главе сто двадцать седьмой, которая называется «Конец», Иона впервые встречает Боконона:

— Боконон?

— Да.

— Можно спросить, о чем вы думаете?
— Я думал, молодой человек, о заключительной фразе Книг Боконона. Пришло время дописать последнюю фразу.
— Ну и как, удалось?
Он пожал плечами и подал мне листок бумаги. Вот что я прочитал (с. 351).

Тут следует насыщенный мощным антивоенным смыслом заключительный аккорд книги: «Будь я помоложе, я написал бы историю человеческой глупости...» (с. 351). Но она для Воннегута — отнюдь не синоним истории человеческого общества. Это скорее синоним существования безответственных ученых, инфантильных государственных деятелей, от прихотей которых может зависеть судьба всего человечества. Последняя фраза Книг Боконона заставляет нас задуматься над вопросом: существует ли в действительности мир, где глупость старых младенцев может привести к безумству? Ответ однозначен: да, существует.

Курт Воннегут предупреждает о катастрофе, которая может погубить человечество. В интервью журналу «Нэйшн» писатель четко определил свою позицию: «Что касается ядерного оружия, то... если оно существует где-то вообще, оно угрожает всей планете»³.

¹ Мьюзил Р. К. Любви должно быть больше, чем смерти // Литературная газета. 1981. 11 февраля. С. 15.

² Воннегут К. Бойня номер пять... и другие романы. М., 1978. С. 179. (В дальнейшем цитаты приводятся по этому изданию с указанием страниц в тексте статьи).

³ Мьюзил Р. К. Любви должно быть больше, чем смерти.